

А. И. Зозулина, М. С. Зозулин

Молитва матери

А. И. Зозулина, М. С. Зозулин

Молитва матери

Издательство «Источник жизни»
2001

УДК 23/28
ББК 86.37
378

Зозулина А. И., Зозулин М. С.

378

**Молитва матери — Заокский: «Источник жизни»,
2001. — 64 с.**

ББК 86.37

ISBN 5-86847-318-3

© Оформление. Издательство «Источник жизни», 1999.

Молитва матери

Друзья! Заранее прошу прощенья, —
Быть может, и не время это вспоминать,
А я вот вспомнил, вспомнил все мгновенно:
Деревню нашу, дом, отца и мать.

Отец и мать мне часто говорили:
«Сыночек, милый, к Богу обратись».
И ежедневно обо мне молились,
Но я любил совсем другую жизнь, —

Вино, друзья и сотни развлечений
Мне ослепили сердце и глаза.
И, ослепленный, с диким наслажденьем
Смотрел я в рюмку, а не в небеса.

Молитвы для меня страшнее яда были.
О Боге я и слышать не хотел.
Летели дни... Я жил в грязи и пыли...
И думал я, что это — мой удел.

Мне не забыть, наверное, вовеки
Тот страшный день, — отец мой умирал...
Из материнских глаз слез вытекали реки,
А я стоял хмельной и хохотал:

«Ну где же Бог твой? Что ж Он не спасает?
Он — Исцелитель, — что ж ты не встаешь?!
Без Бога люди тоже умирают, —
И ты, отец, как все, в земле сгниешь».

Он улыбнулся и сказал сердечно:
«Я жив еще, а ты, сынок, мертвец.
Но знай, что мертвым ты не будешь вечно,
И скоро воскресит тебя Творец!

Отца похоронили... Мать молилась,
Втройне молилась о душе моей.
Потоки слез, что за меня пролились,
Я буду помнить до скончанья дней.

Ну а тогда я думал по-другому..
Была противней мать мне с каждым днем.
И вот однажды я ушел из дома
Глубокой ночью, словно вор, тайком.

Тогда кричал я: «Вот она, свобода!
Теперь я волен в мыслях и делах».
...Не знал тогда я то, что жизнь — это болото:
Ступил на кочку — и увяз в грехах.

И жизнь меня, как щепку, закружила
В водовороте суеты и зла.
Сначала хорошо кружиться было,
Но вскоре заболела голова.

И вскоре стал ужасной, страшной мукой
Мне каждый круг и каждый оборот.
Я волю напрягал, ум и — до боли — руки,
Но жизнь — водоворот, водоворот...

Друзья — о, лживое, обманчивое слово! —
Водоворота самый первый круг.
О, если б жизнь моя могла начаться снова —
Со мною б был единственный и самый лучший Друг!

Круг развлечений, в золото одетый,
Меня своим сияньем ослепил.
Я был слепцом, не видел рядом света
И в страшном мраке по теченью плыл.

Вино — источник зла и тысячи лишений...
«Приятный круг» — о, скольких он сгубил!
Но есть Источник счастья и спасенья —
Не пил я из него, я из бутылки пил.

Но кто же мог спасти меня от смерти,
От всех грехов, влекущих так на дно?
Не человек, не человек, поверьте!
Ответьте, кто же? Ну ответьте, кто?!

Метался я, не находя ответа.
И вот однажды летом, в сильный дождь
На улице я друга детства встретил,
Увидев земляка, почувствовал я дрожь.

Предстал передо мною милый образ:
Глаза печальные и мокрые всегда.
Забилось сердце, задрожал мой голос,
А вывалились бездушные слова:

«Ну как там мать, меня хоть вспоминает?
Наверное, давно уж прокляла?
Хотел заехать все, да время не хватает, —
Сам понимаешь, то работа, то дела».

«Дела, работа... Помолчал бы лучше —
Дела твои не трудно угадать!
Я расскажу, ты только сердцем слушай
Про то, как «позабыла» тебя мать.

Когда сбежал ты, мать твоя от горя
Вся поседела — ведь тобой жила.
И каждый день, в любую непогоду
Шла на распутье и тебя ждала.

И, простирая свои руки к Богу,
Молясь во имя пролитой крови,
Она стояла, влитая в дорогу,
Столпом надежды, веры и любви.

Ну а когда стоять была не в силах,
Когда она в постель совсем слегла, —
Кровать к окну подвинуть попросила,
Смотрела на дорогу и ждала...»

Его слова стремительным порывом
С души сорвали равнодушие враз.
Я задрожал и прошептал пугливо:
«Скажи, что с ней? Она жива сейчас?»

«Сейчас — не знаю... Уезжал — дышала...»
В ее бреду услышал я слова:
— Сыночек, милый, ты пришел? Я знала!..
А ты, — работа, говоришь, дела».

Я побежал, подстегнутый, как плетью.
Одним желаньем, жгущим, как огнем:
Увидеть мать, не опоздать, успеть бы.
Успеть пред ней раскаяться во всем!

Вокзал и поезд... И одно лишь слово
В висках стучало молота сильней.
Хотел не думать, но напрасно, — снова
Я слышал лишь одно: «Скорей! Скорей!»

Вот поезд стал. Я вышел. От волненья
Меня трясло и что-то жгло в груди.
Я в ночь шагнул дрожащей, страшной тенью
От пламени, горевшего внутри.

...Знакомая дорога и деревья,
Но только незнакомый сердца стук...
Вот кладбище, за кладбищем — деревня.
Могилы... И отца я вспомнил вдруг.

И ноги как-то сами повернули...
И в тишине, зашелестев листвою,
Меня к его могиле потянули
Заросшей и заброшенной тропой.

Я шел, до боли напрягая зренье,
Знакомая березка — значит, здесь...
Впервые в жизни встал я на колени, —
Обжег щеку холодный, мокрый крест.

«Отец, прости безумную ошибку!
Ты прав! — ты жив — я слышу шепот губ.
Стоишь ты предо мной, твоя улыбка...
А я — зловонный, сгнивший, мерзкий труп.

Но я заботой и любовью к маме
Сотру все прошлое, клянусь тебе!
И ты, мой папа, будешь в сердце с нами...
А если?... Если мать уже в земле?!»

И сердце снова бешено забилося.
Я огляделся... Тьма, ни зги кругом.
И вдруг — луна... Окрестность осветилась,
И я увидел рядом свежий холм.

Да, лишь луна и звезды только знают,
Как я со стоном на могилу пал
И мамин холмик обнимал, рыдая,
И землю по-сыновьи целовал:

«Ты слышишь, мамочка? Прости, родная!
Не надо, не молчи, открой уста!
Давай молиться вместе, дорогая,
Встань, мама, слышишь, умоляю, встань!»

Но холм молчал, дыша могильным тленьем.
Кругом — ни звука, словно мир уснул.
И вдруг я вспомнил, Кто мне даст прощенье, —
И с воплем к небу руки протянул!..

И эта ночь последней стала ночью
В моей безбожной жизненной ночи, —
Она открыла мне слепые очи,
И я увидел новый — Божий мир.

С тех пор живу я с Господом Иисусом, —
Моя в Нем радость, счастье, чистота!
И никому сказать не побоюсь я,
Что я не мыслю жизни без Христа.

Когда я вижу пред собой картину:
Заплаканную, сгорбленную мать,
А рядом — гордого, напыщенного сына,
От всей души мне хочется сказать:

«Вы, матери, имеющие сына,
Прострите ваши руки к небесам —
И верьте, что молитвы ваши в силах
Творить и после смерти чудеса!..

Вы, сыновья, забывшие о Боге,
Взгляните на молящуюся мать
И встаньте рядом, чтоб в своей дороге
Вам эти слезы не пришлось пожать!»

Николай Шалатовский

«Прости, мама»

Еще вчера он был очень богат и счастлив. Он жил в одном из больших и красивых городов, имел прекрасную трехкомнатную квартиру, машину новейшей марки. Его семья — жена, дочь и сын — были счастливы и вели роскошный образ жизни.

Дом часто был полон гостей, и поэтому жизнь казалась ему сплошным праздником. Хотелось верить, что это будет продолжаться вечно и счастье будет безграничным.

Но между тем его сердце, никогда не знавшее нужды и горя, было очень черствым. Изобилие способствовало развитию у него высокомерия и гордости. И если для всех его друзей дверь его дома была открыта, то она была закрыта для самого дорогого человека на земле, давшего ему жизнь, — его матери.

Два года назад он успешно защитил диссертацию и стал доктором физико-математических наук. Жена тоже занимала хорошее положение в обществе, и недалек был тот день, когда дочь и сын должны были занять достойное место в жизни. Таким образом, будущее его семьи, казалось, было обеспечено.

Но вдруг это прекрасное будущее, которое было окутано розовой пеленой мечтаний и планов, неожиданно было отодвинуто назад невидимой рукой и покрылось черной траурной вуалью неизвестности, скорби и сердечной боли...

... Иван Максимович, до боли стиснув зубы, лежал на больничной койке. После дорожной катастрофы к нему пришло осознание того, что он, лишившись двух ног и правой руки, стал калекой. В этот момент ему хотелось одного — умереть, но он продолжал жить, а вернее, существовать. По его щекам катились слезы. Тут в палату вошла высокая и стройная медсестра Галя. Раздав больным термометры, Галя подошла к постели Ивана Максимовича и ласково спросила:

— Иван Максимович, почему вы плачете?

— Да так, Галина, вспомнил веселое прошлое и подумал о мрачном будущем.

— Да что вы, не впадайте в отчаяние! Какой бы тяжелой ни казалась жизнь, в ней всегда есть выход. Так будет и у вас. Вы снова найдете свое место в жизни. Ведь, слава Богу, ваша голова цела и невредима. В ней много прекрасных мыслей и идей, которые еще принесут обществу благо.

— Возможно, это и так, Галя, спасибо тебе за добрые слова. Но, к сожалению, тебе никогда не понять моего состояния. Тело мое уже не восстановишь: ни ног, ни руки. Сейчас мне требуется сила, которая бы вернула жизнь телу. Но и это еще не все. Мне нужна такая сила, которая обновила бы мою душу, вернула мне надежду и веру. Нет! Тебе этого не понять.

В палате все молчали. Галя не знала, что ему на это ответить. Иван Максимович первым прервал тишину:

— Галя, жена и дети не приходили вчера?

— Приходили. Но вы в это время спали, и они не стали вас будить.

— Разбуди меня, если сегодня придут. Или пусть подождут, пока я проснусь.

— Хорошо.

Галя вышла из палаты, села за рабочий стол и еще долго не могла освободиться от печальных мыслей...

... Вчера жена Ивана Максимовича приходила к хирургу. В это время Галина тоже вошла по делу к нему в кабинет и невольно оказалась свидетельницей их разговора. Она и сегодня ясно слышит слова, которые медленно, со слезами были сказаны женой Ивана Максимовича:

— Андрей Михайлович, поймите меня. Я не могу взять его домой, так как работаю с утра до вечера. Дома целый день никого нет. И потом, я не знаю, что с ним делать. Он вызывает у меня чувство брезгливости... За шесть месяцев, что он лежит у вас, я все обдумала и решила развестись с ним. Да и дети против того, чтобы он, будучи в таком состоянии, жил с нами. Он будет для нас тяжелой обузой...

— Жаль, конечно, что вашей любви хватило только на благополучные дни совместной жизни и что она при первом жизненном испытании кончилась. Мне его очень жаль. Если вы его бросите, он может умереть.

— Это был бы лучший выход для всех нас. Хотя вряд ли вы меня поймете и, наверное, даже осудите. Но иначе я не могу.

— Так что же нам все-таки делать? Как ему сообщить о вашем решении?

— Пока ничего не говорите ему. Пусть еще месяц полежит в больнице. Вы знаете, доктор, у Ивана Максимовича есть старенькая мать. Живет она одна и, узнав о трагедии, наверняка последние дни своей жизни посвятит сыну: окажет ему помощь, проявит заботу, любовь и ласку. Я думаю, она не откажется. Ведь она ему мать.

— Хорошо, идите и решайте, только не забывайте, что жизнь прожить — не поле перейти. Как бы все не обернулось против вас.

Очень холодно распрощался с ней хирург, и когда за посетительницей закрылась дверь, обратившись к Гале, продолжил:

— Галина, ты дежуришь днем, поэтому проследи, чтобы его бессердечные близкие не проходили к нему без твоего разрешения.

— Я вас поняла, — ответила Галя и с тяжелым камнем на сердце вышла...

... Ей было трудно теперь вспоминать слова, сказанные Иваном Максимовичем. «Ольга и дети приходили вчера?» — спросил он. Она ответила, что приходили, но, боясь причинить ему боль, не могла сказать о том, с какой целью они приходили.

А потом что он еще сказал? «Разбуди меня, если сегодня придут. Или пусть подождут, пока я проснусь».

Как ужасно, ведь они, наверное, больше никогда к нему не придут, — размышляла Галина.

Она резко поднялась со своего места и пошла к врачу. Хирург, сидя за столом, был погружен в свои невеселые думы. Много разных проблем возникало у него с больными, но такого случая, как с Иваном Максимовичем, в его практике еще не было. Он не знал, как ему поступить. При появлении Галины хирург поднял голову и машинально сказал:

— Садись.

Галя села. Они молчали. Им казалось, что думали они об одном и том же, но оба не знали, с чего начать разговор. Вдруг Галя спросила:

— Андрей Михайлович, так как же мы поступим с Иваном Максимовичем? Пусть он полежит у нас еще месяц.

— А потом?

— Потом сообщим его матери.

Разговор был прерван, так как их позвали к больному.

Дни Ивана Максимовича были печальны и серы. Прошла неделя. Галина, разбирая почту, отложила в сторону письмо, адресованное Ивану Максимовичу. Затем разнесла больным письма и, уже выходя из пятой палаты, услышала голос Ивана Максимовича:

— Галина, мои не приходили?

— Нет. Но они звонили и просили передать, что у детей сессия, а Ольга Михайловна уехала в командировку и просила вас не беспокоиться. Она передала, что напишет вам письмо.

— Буду ждать.

Галина взяла отложенное письмо и пошла к хирургу. Они читали его вместе и возмущались, но что-либо предпринять были бессильны. Решили пока молчать. Галя уже уходила, когда хирург окликнул ее:

— Галина, ты останься после смены и поговори с Иваном Максимовичем о его маме. Расспроси об их отношениях и о том, где она живет.

— Хорошо.

И вот, передав смену, Галина взяла коляску и вошла в палату.

— Иван Максимович, на улице уже весна, все цветет и благоухает. Мы сейчас с вами немного погуляем и вместе посмотрим на распускающиеся деревья.

— Галина, иди домой. Ты за день устала, нечего со мной возиться.

— Я живу с мамой, семьи еще нет. Спешить некуда, а мое призвание — помогать людям. Сегодня мне хочется сделать вам приятное. Ваша дочь не может погулять с вами,

она очень занята, вот я вместо нее и доставлю вам это удовольствие.

Когда она покатила коляску по больничному двору, Иван Максимович заулыбался, увидев жизнь, пробудившуюся в природе. Ему тоже захотелось жить, и он с благодарностью посмотрел на Галину, которая присела на лавочку. Как-то незаметно для них завязался разговор.

— Иван Максимович, расскажите о вашем детстве, о ваших родителях, — попросила Галя.

— Вам это интересно?

— Очень. Я люблю слушать жизненные истории своих больных. Истории всегда разные, но все они духовно обогащают меня.

Иван Максимович помолчал, а потом начал рассказывать.

Исповедь

— Мой отец умер, когда мне исполнилось шесть лет. Мама больше не выходила замуж. Всю свою жизнь она посвятила мне. Днем она работала секретарем-машинисткой, а вечером, чтобы я ни в чем не нуждался, стирала белье для парикмахерской. При всей своей занятости она обязательно находила время для меня. Я всегда был чистым и сытым.

Два раза в неделю мы вместе с ней гуляли в парке. Она рассказывала мне интересные истории. Больше всего она хотела, чтобы я стал человеком, настоящим человеком, как она мне постоянно твердила.

Она верила в Бога и раз в неделю ходила на богослужение. Часто говорила мне о Нем и об Иисусе Христе, Который спас человечество на Голгофе. В детстве я любил слушать эти рассказы.

— А вы, Иван Максимович, помните хотя бы один из этих рассказов об Иисусе Христе?

— Помню. Видимо, то, что внушают с детства, остается на всю жизнь.

— Расскажите мне что-нибудь.

— Понимаешь, я боюсь допустить неточность, не смогу рассказать тебе так, как это сделала бы моя мама. В детстве я очень любил слушать рассказы о жизни Иисуса. По существу, я вырос на маминых рассказах. И когда закончил десятилетку с золотой медалью, мама была рада до слез. Она все повторяла: «Не напрасны мои труды. Учись, сынок, дальше, я все сделаю, что в моих силах, для того чтобы ты стал настоящим человеком».

В тот день, когда я после окончания физико-математического факультета защитил диплом, мама ожидала меня в сквере, сидя на скамейке. Я вышел из университета с моей невестой Олей, третьекурсницей пединститута. Мы шли радостные, держась за руки, и Оля щебетала, как птичка. Я даже не заметил маму, которая шла мне навстречу. Когда она оказалась рядом, я воскликнул:

— Mamочка ты здесь? — и бросился ей навстречу, — я защитил диплом!

— Я очень рада за тебя, сынок!

— Мама, а это Оля!

— Здравствуй, Оленька, меня зовут Анна Михайловна, — сказала мама и сильно смутилась, подавая ей руку.

Прощаясь с нами, мама сказала:

— Я пойду. А ты, Оля приходи к нам в гости. Я буду рада.

Мама ушла. А мы с Олей, держась за руки, как маленькие дети, и смеясь от счастья, еще долго гуляли. Устав, мы сели на скамейку, и вдруг Оля сказала:

— Я почему-то боюсь твоей мамы. Меня смутил ее острый взгляд.

— Тебе показалось. Поверь, ты ее полюбишь.

— Не знаю, полюблю ли. Есть на свете только одна лишь мать — родная!

Мне стало как-то не по себе оттого, что в такой радостный день наш разговор с Олей приобрел неприятный оттенок. И я перевел разговор на другую тему.

Уже вечером, когда я, прощаясь, уходил, Оля сказала:

— Забудь наш разговор. Просто во мне заговорило чувство ревности к твоей маме.

Я шел домой и радовался тому, что Оля изменила свое мнение о моей маме.

А мама тем временем ждала меня дома. На столе, накрытом праздничной скатертью, красовался великолепный пирог. Мы с мамой пили чай с любимым вареньем и долго разговаривали на разные темы. Было ощущение мира, добра, тепла и уюта.

Через год я женился на Оле. Перед женитьбой я задал маме вопрос о том, нравится ли ей Оля. Она ответила:

— Тебе жить с ней. Мне кажется, что она избалована и самолюбива и что тебе тяжело будет с ней.

— Мамочка, она хорошая, очень хорошая, — ответил я, — просто ты ее не знаешь. Поживешь с нами и убедишься.

— Пусть будет так, сынок, — вздохнув, сказала она. — Пусть Бог благословит вас.

— Если Он существует, то благословит, — смеясь, сказал я.

— Не смейся, сынок, над Богом. Этим ты меня сильно обижаешь.

— Прости меня, мама, больше не буду.

Сразу же после женитьбы был неприятный разговор с Олей. Я не узнавал ее. Она просто кричала: «Не нужна мне

твоя мать! Если ты ее приведешь, я сразу же уеду!» Я молчал и надеялся, что все уладится. Меня мучила совесть — что я скажу маме? Ведь она ждет приглашения жить вместе. Недавно я получил квартиру, в которой и на маму дали жилплощадь, потому что она свою комнату сдала в ЖКО. Она думает, что все уже готово к ее переезду. У меня болела голова от мысли, что сказать маме.

Через неделю я опять начал разговор с Олей. Но она и слышать не хотела о переезде мамы к нам. Зная, что мама ждет, когда мы ее заберем, я пошел к ней. Открыв дверь, я увидел, что вещи уже упакованы. А мама с радостью встретила меня словами: «Приехал? Сегодня переезжаем?» Я не знал, что сказать ей в ответ. Смутившись, еле смог выдать: «Оля против твоего переезда к нам. Не знаю, что делать. Разменять опять квартиру? Что ты посоветуешь?» Мама на один миг изменилась в лице, но потом весело сказала:

— Живите счастливо! Я, сынок, не буду вам мешать. Я найду себе квартиру, а эта пусть останется тебе.

— Спасибо, мамочка! Ты самая лучшая в мире мать. За твою квартиру я буду платить вместо тебя.

— Да что ты, сынок! У меня средств хватит! Я получаю пенсию и еще работаю. Не беспокойся!

Я сел на табурет. Мне показалось, что я пришел домой и больше никуда не пойду. Мне захотелось остаться дома. Мама подошла ко мне, погладила мои волосы и пригласила пить чай. Мы пили чай, и мама расспрашивала меня о моей работе, о моих планах. Я рассказывал все подробно. Уже было поздно, когда я собрался уходить. Мама подошла ко мне и поцеловала в лоб. Из ее глаз покатались слезы.

— Мама, ты плачешь?

— Нет, сынок, мне просто показалось, что ты маленький, беспомощный и, знаешь, я хотела напомнить тебе мою за-

ветную мечту: на какую бы высоту ты ни поднялся в своей жизни — останься человеком. Пусть благословит тебя Господь.

— Мама, ты будто прощаешься со мной.

— Да что ты, сынок, иди, а то Оля будет беспокоиться. Передай ей привет.

Я поцеловал маму и ушел.

Оля не спала, ждала меня. Я еще не успел позвонить, как она открыла дверь и спросила:

— Ну, что?

— Мама передавала тебе привет.

— Причем здесь привет, — сказала она нервно, — что вы решили?

— Мама отказалась от комнаты в нашу пользу и будет искать себе квартиру. Она хочет, чтобы мы жили счастливо.

— Молодец твоя мать. Я так и знала, что Анна Михайловна — человек с добрым сердцем.

Оля повеселела, зато у меня стало очень тяжело на душе. Я как бы издалека услышал голос матери: «Моя заветная мечта, сынок, чтобы ты остался на любой высоте человеком». И я подумал: «Я уже сейчас мелочный человек!»

Однажды вечером я пришел домой, и Оля сообщила:

— От твоей мамы пришло письмо. Анна Михайловна переехала в городок Н. к своей сестре. Живут вместе, чувствуют себя хорошо.

Я был поражен. Мама уехала, почему? Опять на душе стало как-то нехорошо. Она, наверное, уехала из-за меня, чтобы не напоминать мне о своем одиночестве.

У нас родилась дочь. Я сообщил об этом маме телеграммой. Она поздравила нас, а через неделю прислала подарки для малышки.

Затем родился сын. Я известил об этом маму, и мы вновь получили поздравления и подарки уже для сына.

Однажды Оля встретила меня с недовольным лицом и с порога заявила:

— Письмо от твоей матери. Едет посмотреть на внуков, не спросив даже разрешения. Моя мама тоже приезжает, я не знаю, хорошо ли это будет, если они будут вместе. Что ты скажешь? Может, пошлем телеграмму, чтобы она задержалась?

— Пусть твоя задержится, она часто бывает у нас, а моя не была пять лет и даже не видела внуков. Оля, будь же ты человеком! — выпалил я.

— Ладно, — надув губы, ответила она.

На следующий день я поехал встречать маму.

Она вышла из вагона сияющая и, увидев меня, еще больше обрадовалась. Я подбежал к ней, и она, обняв меня, тихо заплакала. Потом, выпрямившись, сказала: «Пойдем!» Домой мы поехали на моей новой машине. На пороге дома нас встречали дети. Сын спросил:

— Кто это, папочка?

— Это ваша бабушка Аня.

— Наша? А почему мы ее не знаем? — сказал Игорь.

Бабушка подошла, обняла внуков, и через час они уже были друзьями.

Ольга пришла поздно. Холодно поздоровалась. Приготовила ужин, пригласила. Мама, сидя за столом, спрашивала нас о работе, о наших делах. Я отвечал. Ольга молчала.

— Бабушка, останься у нас жить! — сказал Игорь.

— Останься, останься! — вторила ему Оксана.

— Спасибо за приглашение. Я вас тоже приглашаю к себе вместе с папой и мамой, приезжайте. А я, деточки, завтра уезжаю. Я проездом. Подумала: заеду, хотя бы познакомлюсь с моими внучатами.

— Приедем, приедем, но ты не уезжай!

На второй день мама собралась ехать. Я подошел к ней и с мольбой в голосе попросил:

— Мамочка, останься еще хотя бы на несколько дней.

— Не могу, сынок. Я проездом. Потом, в другой раз.

Я отвез ее на вокзал. Мама поцеловала меня и сказала:

— Сынок, хоть изредка пиши мне. Я стала стареть и начала особенно скучать по тебе.

— Хорошо, мамочка, — пообещал я, — буду писать.

Мы попрощались, и я некоторое время изредка писал ей коротенькие письма. Потом погрузился в работу, и через четыре года сообщил маме, что ее сын — доктор физико-математических наук.

Вместо ответной телеграммы приехала сама мама. Она вошла в квартиру, чем-то очень обеспокоенная. Увидев ее, я воскликнул:

— Мама, это ты?

От нее повеяло чем-то родным, очень дорогим. Я подбежал к ней и, крепко обняв, поцеловал.

— Да, сынок, это я.

— Только не вовремя вы приехали, Анна Михайловна, — встала Оля.

— Нет, нет, очень вовремя! — возразил я.

— У нас сегодня вечером будут важные гости, и нам бы не хотелось, чтобы ваше присутствие испортило наш вечер. Вы ведь не сможете скрыть, что вы верующая. Нам это будет неприятно.

— Не беспокойся, Оля, я скоро уеду. Сегодня я приехала поздравить своего сына и рассказать о том, что видела во сне. Сон встревожил мое сердце, и я поспешила к вам.

Мама вошла в комнату, скромно села на стул и сначала тихо, а потом все сильнее повышая голос, начала рассказывать. Тут Иван Максимович замолчал, как бы что-то припоминая.

— Иван Максимович, расскажите сон вашей мамы, — попросила Галя.

— Вам, Галина, уже пора домой, а вы возитесь со мной.

— Уж очень мне интересно узнать, что же ей приснилось. Расскажите, пожалуйста!

— Хорошо, если вы так хотите.

Вот что рассказала в тот вечер мама:

— За день до телеграммы я видела страшный сон. Ангелы объявили второе пришествие Иисуса Христа. Я с радостью бежала встречать Его. Я увидела сияющего Христа на белоснежных облаках с серпом в руке и закричала: «Вот Он, Бог наш, возрадуемся и возвеселимся в пришествии Его!» И вдруг я с ужасом увидела: тебя нет рядом со мной. Я начала звать: «Ванечка! Ванечка!» Картину пришествия Христа сменила другая: горел наш грешный мир. Горели люди в большом огненном озере, в которое превратилась наша земля. Среди тех, которые горели, я увидела тебя. Я с болью в сердце крикнула: «Сынок, спасайся!» Ты ответил: «Поздно». Потом начал клясть меня страшными словами: «Почему ты день и ночь работала? Подарила мне беззаботную жизнь в детстве и юности? Помогла мне подняться на высоту и тем самым обеспечила огненное озеро! Погибаю, погибаю, — кричал ты, — и тебя проклинаяю, ты виновата в моей гибели». Утром, когда я встала, у меня созрело твердое решение сразу же поехать к тебе и рассказать о плане спасения, призвать к покаянию».

— Вот этого только и не хватало нам! — возмутилась надменно Оля.

— Оля, я и тебя умоляю, ищи путь спасения. Пока не поздно! — ответила мама.

— Этого никогда не будет! — закричала Оля гордо.

В эту минуту мне стало жалко маму. Я обнял ее и сказал.

— Мама, это просто сон, и прошу, не пытайся тревожить мою душу. Нет у меня желания говорить об этом. Сходи на вечер к тете Соне, переночуешь, а завтра приходи опять к нам.

Мама воскликнула:

— Да что вы, дети, беспокоитесь обо мне! Я хотела рассказать вам о великом плане спасения, искупления человека, но раз вы не желаете слушать, то я сейчас же уеду. Поздравляю тебя, сынок, с достигнутой высотой. Будь настоящим человеком! Вот тебе мой подарок! — она подарила мне красивую ручку с золотым пером.

Я поцеловал ее и тихо шепнул ей на ухо:

— Спасибо за все, тебе, мама.

Оля подбежала, тоже поцеловала ее и сказала:

— Спасибо вам, Анна Михайловна, за все, будьте счастливы! До свиданья!

Мама тут же засуетилась, собралась и быстро вышла. Я хотел было проводить ее до лестницы, но Оля захлопнула передо мной дверь. Я накинулся на Олю:

— Ты всегда так плохо поступаешь с мамой! Если ты меня любишь, то почему так ненавидишь человека, который дорог мне?

Я разозлился, но замолчал, чтобы не дать разгореться ссоре. Подбежал к окну. Мама, сильно сгорбившись, шла по тротуару. Мне показалось, что она рыдала. В этот момент подошла Оля и заискивающе сказала:

— Не думай ничего плохого. Я сожалею. Если бы она приехала хоть на день позже, этого бы не случилось! Сегодня столько дел, а она со своим сном.

И тут же, весело рассмеявшись, Оля попросила:

— Пойдем, Ванечка, за заказами, время не ждет.

Я очнулся, как от кошмарного сна, и пошел следом за

женой, чтобы принести из магазина заказы — вот-вот придут гости.

Постепенно все забылось. Шли дни, недели, месяцы, годы...

Мы окунулись в жизнь, в дела. Я привык к семье такой, какая она у меня была. Радовался, что у меня есть умная, красивая жена и хорошо воспитанные дети.

С того времени прошло десять лет. Раз в году я писал новогодние поздравления и получал ответ от мамы. А теперь, став калекой, я часто думаю о ней. Она мне очень нужна, я бы хотел исповедаться перед ней и попросить прощения за все прошлое. Она моя мать! От ее прикосновения мне стало бы легче, и я, как в детстве, приобрел бы покой. Галя! Вы теперь знаете, что собой представляла моя жизнь. А сейчас перед вами лежит человек с ничтожной и мелкой душой.

Галина молчала. Она была поражена тем, что услышала. Теперь ей стало понятно поведение его жены, его детей. Потом она тихо сказала:

— Иван Максимович, вам необходимо встретиться с вашей мамой. Дайте мне адрес, я ей напишу, если вы не можете это сделать сами.

— Галя, скажите правду и только правду: моя жена отказалась от меня?

Стало тихо-тихо, так тихо, что сверчок, который пел вдали, был слышен...

Галя ответила:

— Она прислала вам письмо.

— Отвезите меня в палату и принесите письмо.

Галя заколебалась.

— Не бойтесь, Галя! Я приготовился к любому удару жизни, зная свою жену. Все плохое, что написано в ее письме,

я прочел из ее поведения еще раньше. Я почувствовал, что у меня нет семьи, нет дома, что я одинок. Ничего со мной уже не случится, а если я надумаю написать маме, то напишу сам, конечно, с вашей помощью.

Галя отвезла его в палату, взяла письмо и принесла ему. Уходя, сказала:

— Иван Максимович, будьте мужественны и приготовьтесь к неожиданному и жестокому удару судьбы!

— Я приготовился ко всему. Постараюсь в этом быть похожим на мою маму. Ее не сломили удары судьбы, хотя она и получила их от самого любимого человека на земле — сына.

— Спокойной ночи, — сказала Галина и тихо закрыла за собой дверь палаты. Сначала она хотела идти домой, но потом решила остаться на ночь в отделении больницы — вдруг понадобится ее помощь.

Прошла ночь. Утром Галя зашла в палату. Иван Максимович спал мирным сном. Письмо лежало у него на груди. Галя взяла письмо и положила его в конверт.

Что же произошло этой ночью?

Иван Максимович прочитал письмо. Потом еще, и еще, и так несколько раз. Он никак не мог поверить, что Ольга и дети оставили его в самую тяжелую пору жизни одного. Сердце ныло. Ему хотелось кричать от боли. Вот и все кончено. Он остался один, никому не нужный. «Неужели Ольга никогда не любила меня? Неужели ей нужно было только мое положение в обществе и состояние? Прожить двадцать пять лет вместе и при самом тяжелом испытании оставить! Правда, мне уже пятьдесят лет и я калека, а ей сорок пять. Она еще красива... А дети? Эх, дети, дети...»

— Так размышлял он ночью и опять брал письмо и перечитывал его:

«Ваня! Я пишу тебе это письмо и плачу, но не могу ничего с собой сделать. Ты меня осудишь, но иначе я не могу. Ты характером очень похож на свою мать, она у тебя терпеливая, сильная духом и всегда сносила все оскорбления молча. Я поменяла квартиру и с детьми уезжаю в город М. Думаю, что нам надо развестись, и надеюсь, что с твоей стороны никаких препятствий не будет. Так будет лучше. Я знаю и то, что тебе будет тяжело это перенести, но не забывай о том, что у тебя есть мать. Она тебя любит, и в тяжелые дни ты не будешь одинок, она не оставит тебя. Прости нас всех. Не проклинай меня. Не унывай. Произошло непоправимое. Прости, Ваня!

Оля и дети».

Он размышлял: Оля и дети. Вот оно, последнее сообщение, что у меня была семья. Нет детей и нет Оли. Всю жизнь она настраивала меня против мамы. Я был самым неблагодарным сыном в этом мире. Пришел день, когда и мои дети отвернулись от меня, как я отвернулся от своей мамы. Недаром говорят: что посеешь, то и пожнешь. А теперь Оля пишет: «У тебя есть мать, она любит тебя!» Оля, Оля, как ты смеешь вспоминать о моей матери? И я, ослепленный любовью к тебе, разрешал обижать это самое дорогое и милое мне существо — мою бедную маму! Да... у меня осталась только моя мама, ты в этом права. Мать, которая в трудных условиях воспитала меня. Она сделала все, чтобы я вырос честным человеком, защищая меня от дурного влияния. Она учила меня с самых ранних лет поклоняться Богу, Который Один только может услышать и помочь во всех трудностях. То, что я имел, все, чем владел, — во всем я был должником матери. И чем же я отплатил ей? Прошло уже десять лет, как я ее не видел. Десять лет! Эти десять лет мы обменивались только телеграммами...

Иван Максимович отодвинул письмо жены и твердо решил написать матери, искренне покаяться и попросить, чтобы она приехала к нему. На душе у него стало спокойно. И через несколько минут он уснул. Проснулся лишь к обеду. Позвонил, и через несколько минут вошла Галя.

— Галя, простите, это я вас побеспокоил. Я хотел вас попросить написать письмо маме.

— Хорошо. Я останусь после работы и помогу вам.

Вечером вошла Галя с тетрадкой и ручкой в руках. Она весело сказала:

— Я к вашим услугам. Диктуйте.

— Письмо я решил написать короткое. Пишите:

«Дорогая моя мамочка!

Прошу тебя, прости меня, если можешь еще простить. Я очень одинок. Лежу в больнице. Я калека, оставленный всеми. Я не прошу, чтобы ты взяла меня к себе. Нет! На это я не имею права. Я хочу попросить у тебя прощения за все страдания, которые тебе причинил. Мама, ты мне нужна, очень нужна. В самые горестные, самые трудные часы своей жизни твой сын нуждается в тебе. В тебе, самом близком и родном для меня человеке.

Прошу еще раз — прости. Твой сын Ваня».

Галина написала адрес на конверте и вышла. Сев за стол, она продолжила письмо, но потом решительно вычеркнула то, что написала и, одевшись, пошла на почту.

Мать

Не было такого дня, чтобы она не подумала о своем сыне и о внуках. Она постоянно молилась об их спасении, несмотря на то, что весточек не было. Зная, что нелюбима невесткой, она не хотела надоедать им своими письмами.

Прошло десять лет, она получала от сына теплые и ласковые поздравительные слова только на Новый год. Душа ее часто ныла, но никто из окружающих не знал ее глубокой скорби. Она переносила все с любовью и терпением. Когда ей было невыносимо тяжело, она для утешения читала о страданиях Христа и умилялась сердцем. Она считала, что это — ее крест, и с терпением, без ропота несла его. Часто плакала и молилась о спасении сына и его семьи. Ей была страшна та черствость, которая царила в их сердцах. Были такие дни, когда она уставала и поддавалась унынию. Колени дрожали, руки опускались. Но так как она любила Господа, она желала видеть Его своим Советником. В печали и одиночестве она находила утешение в Иисусе Христе, самом лучшем, верном Друге.

Она признавала свою ошибку в воспитании сына, но

твердо верила, что Бог простит неведение и исправит то, что упустила она.

Несмотря на черствость сына, мать любила его горячо и желала спасения от греха всей его семье. Она не сомневалась в любви Иисуса, и поэтому никогда не жаловалась, а только лишь благодарила Отца Небесного.

Ее любили окружающие. Она была очень добра. Забывая свои собственные трудности и переживания, она использовала всякую возможность, чтобы делать людям добро.

Несколько месяцев назад она потеряла душевный покой, ее постоянно тревожили мысли о благополучии сына. Ей часто чудилось, что с сыном произошло что-то страшное и что он зовет ее. Она уже несколько раз собиралась поехать к нему, но все не решалась.

И вот, наконец, письмо от сына, написанное чужим почерком. Она читает его, но ничего не понимает. Снова читает и медленно опускается на стул. До ее сознания доходят слова: «Я очень одинок, я калека, оставленный всеми... Мама, ты мне нужна!»

Она поднимается со стула и решительно идет к шкафу. Быстро одевается, собирает необходимые вещи, берет деньги. Вдруг резко останавливается и ясно вспоминает слова, прочитанные вчера: «Разве мы не имеем причин быть благодарными каждую минуту, даже когда на нашем пути появляются трудности?» Она склоняет колени и просит благословения Божьего на этот нелегкий для нее путь.

Получив утешение, она твердо верит, что нет такого горя, такой печали, для которых Господь не предусмотрел бы целебного средства. Она готова ехать к сыну...

... По больничной лестнице поднимается сгорбленная и покрытая сединой, встревоженная неизвестностью мать. На ее лице не видно тени недовольства или ропота. Ее ук-

рашает материнская любовь. Поднявшись, она спрашивает больного, встретившегося ей в коридоре:

— Какое это отделение?

— А вы к кому, мамаша?

— К Петрову.

— Это ваш сын?

— Да!

Больной побежал по коридору, и тут же перед ней появилась миловидная молодая медсестра.

— Здравствуйте, Анна Михайловна!

— Здравствуйте.

— Меня зовут Галя. Прежде чем вы зайдете к сыну, я должна с вами поговорить, так как в данный момент хирурга нет. Посидите здесь. Я приду через десять минут.

Галя повела ее в вестибюль и, усадив, побежала на пост. Ровно через десять минут она появилась, сказав:

— Пойдемте со мной!

Они вошли в пустую палату. Галя предложила сесть. Сама рядом села. Анна Михайловна вопросительно смотрела на нее.

— Анна Михайловна, — начала Галя, — все шесть месяцев мне пришлось ухаживать за Иваном Максимовичем. По его словам, я знаю, что вы женщина сильная духом, и поэтому я вам расскажу все, как есть. Сын ваш калека.

— У него нет руки?

— Да, у него нет правой руки, он потерял ее в страшной катастрофе.

— Изуродован?

— У него нет... может, не все сразу? Давайте сходим попьем чаю. Вы с дороги.

— Говори, доченька. Я ко всему приготовилась, а Господь мне поможет!

— У него нет ног. Он пал духом. Ему нужна именно вы, мать. Он мне все рассказал. Он очень искренне кается и желает только одного: получить от вас прощение.

— Да что ты, доченька! За что это он себя так бичует? Я не обижаюсь на него. Он был сильно занят, и у него никогда не было свободного времени.

— Анна Михайловна, я все знаю. Однажды вечером, когда я его на коляске вывезла на прогулку, он рассказал мне историю своей жизни. Мне хирург поручил узнать про вас. Это было в тот момент, когда жена отказалась от него, настроив против него и детей. Вот ее письмо.

— Бедный мой сын!

Мать прочитала. На ее лице лежала скорбь. Слезы текли по щекам. Прочитав, она сказала:

— Я этому не удивляюсь. Оля всегда была самолюбивой, гордой и черствой. Она действительно не смогла вынести такого удара судьбы. Жаль детей, жаль Ваню. Отведи меня, доченька, к моему сыну, а тебе большое спасибо за все. Пусть тебя благословит Господь, Сущий на небесах, за твое доброе сердце.

Галя повела Анну Михайловну по длинному коридору к пятой палате.

Дверь тихо отворилась. Иван Максимович лежал с закрытыми глазами. Галя подошла и, тронув его за руку, тихо сказала:

— Иван Максимович, к вам пришли.

Он открыл глаза и увидел перед собой поседевшую от горя и времени мать. Она стояла прямо и тихо сказала:

— Здравствуй, сынок!

Он радостно вскрикнул, как маленький ребенок:

— Мама!

Она прижалась к нему, обняла, целовала его в лоб, щеки

и тихо приговаривала: «Мой сыночек! Мой сыночек!» Потом села на стул. Некоторое время они молчали. Она гладила его черные волосы. Сын поднял на нее свои карие, полные слез глаза, и его губы прошептали: «Мама, прости меня!»

— Сынок, не беспокойся. У меня нет на тебя и на Олю никакой обиды.

— Мама, не надо о ней. У меня в жизни никого нет. Я одинок.

— Как это нет? Есть я. Ты мне нужен такой, какой есть. Подожду хирурга, и мы поедем домой.

— Поедем домой? Мне кажется, что я маленький-маленький и что ты возьмешь меня сейчас за руку и поведешь.

— Да, сынок, для меня ты всегда маленький. Я купила себе небольшой дом и садик. Во дворе много цветов. Тебе понравится дома. Мы с тобой будем жить вместе, и ни ты, ни я не будем одиноки. Я буду счастлива, что ты рядом со мной, и буду стараться понять твои душевные переживания и вместе с тобой делить их. Твои планы, интересы будут и моими. Мы будем с тобой жить под одной крышей! Это будет для меня великое счастье!

— Мама, ты такая добрая, как и прежде. Ты ни в чем не изменилась, только постарела. В твоём присутствии и я становлюсь добрее. Мне мирно и хорошо с тобой! Mamочка, я хочу домой!

Анна Михайловна переговорила обо всем с хирургом и с Галей. Хирург пообещал на машине скорой помощи отвезти их. Прощаясь с больными и с хирургом, Ивану Максимовичу казалось, что он оставил здесь часть своей жизни... Позже всех подошла Галина. Он поблагодарил ее за внимание, доброту и пожелал ей всего наилучшего, а она попросила его:

— Иван Максимович, пообещайте, что вы будете мне писать письма, как родной дочери. Пишите обо всем, и вы тоже, Анна Михайловна. Я буду очень рада!

— Скучно будет тебе читать, Галя, то, что я буду писать.

— Да нет! Мы с вами, Иван Максимович, вместе пережили здесь, в больнице, трудный душевный кризис, и мне будет приятно узнать о вас, о вашей жизни, о ваших планах. Пишите. Вот мой домашний адрес и адрес больницы.

— Хорошо, Галя, обещаю тебе писать. Как станет скучно читать мои письма, напиши откровенно: «Больше не пишите».

— Согласна. Желаю вам доброго пути.

Машина скорой помощи медленно выехала из больничного двора. Хирург и Галя стояли до тех пор, пока машина не скрылась. Доктор облегченно вздохнул:

— Я рад, что кончилось все так хорошо.

— Знаете, мне бы очень хотелось поддерживать связь с этим человеком и все знать о его жизни. Я росла без отца и привязалась к нему, как к отцу.

Дома

Иван Максимович лежал на диване в уютном зале, окна были открыты. Мама зашла к нему с доктором. Доктор осмотрел его, долго что-то измерял. Через неделю Иван Максимович уже катался по дому и двору в легкой коляске самостоятельно. Мать взялась за сына: она учила его писать левой рукой; как маленького, ободряла и наставляла. Ему жилось тихо и мирно. А это было самое главное. Он никогда так не любил свою мать, как сейчас.

Однажды мама напомнила ему:

— Ваня, напиши Гале письмо, она ведь ждет. Хорошая она девочка.

— Хорошо, мама, напишу. А ведь я о ней ничего не знаю. Больные, правда, говорили, что она росла без отца. Это было заметно. Ведь она привязалась ко мне, как дочь.

Иван Максимович стал писать письмо за письмом. Ответы Гали приносили ему радость.

Из писем и мы узнаем о его жизни дома.

«Здравствуй, Галя! Исполняю свое обещание и пишу тебе о своей жизни. Прошел месяц, я жил, как будто во сне. Мне казалось, что я маленький мальчик, любимый мамочкой,

который ни в чем не имеет нужды. Но вдруг наступило прозрение — ведь я калека, и я почувствовал себя несчастнее всех. Я был в отчаянии и хотел покончить жизнь самоубийством. Мама уехала в деревню. Я встал рано утром с единственным решением: прервать свою жизнь. С этой целью я долго рассматривал большой кухонный нож, и как раз в этот момент, ни раньше, ни позже, вошел молодой мужчина с доброй улыбкой и сразу спросил: “Рассматриваете нож, достаточно ли он острый?”

“Да, — ответил я недружелюбно, — он достаточно острый, чтобы несчастный калека покончил с собой и не мешал больше никому жить на этом свете”. “Бросьте нож, а то, боюсь, что при таких обстоятельствах наше знакомство может не состояться”. Я покорно положил нож. Плохое настроение покинуло меня в присутствии этого молодого красивого человека, и я, с любопытством протянув ему руку, представился: “Иван Максимович”. “Миша”. И мне вдруг, не знаю почему, но так страстно захотелось, чтобы он остался у нас.

Незнакомец продолжал: “Анна Михайловна дома?”

“Нет ее. Она в деревне. Приедет завтра вечером”. “Разрешите до ее прибытия остаться у вас”. “Хоть навсегда”, — выпалил я с радостью. “Навсегда?” — спросил он с доброй улыбкой. “Может, и навсегда”, — закончил он. Я продолжал: “Да садись ты, пожалуйста. Расскажи, кто ты и откуда приехал?”

Он сел на стул возле окна и начал рассказывать: “Маму вашу я знаю давно. Мы с ней члены одной церкви. Мне было двадцать лет, когда я познал Иисуса Христа и заключил с Ним завет. Моя семья состояла из двух человек: мама да я. Мама была парализована, по этой причине я не женился и посвятил свою жизнь ей. Я боялся, что если же-

нююсь, то мама может быть в тягость жене, и тогда должна будет лишиться на этом свете самого дорогого, что у нее есть, — сына. Я отдавал ей все свое свободное время, заботился о ней и ни разу не пожалел об этом. Неделю назад я похоронил ее в надежде на встречу с ней при первом воскресении праведников. Сейчас я продал дом и решил поехать к Анне Михайловне, подумав, что она тоже одинока, как и я теперь. Раньше Анна Михайловна часто приезжала к нам, и мы очень хорошо проводили время втроем. Когда я зашел к вам в дом и увидел вас в таком состоянии, я подумал, что Бог вовремя меня послал в этот дом. Вы ее сын? Очень похожи на нее”. “Сын”, — ответил я.

Мы немного посидели молча, потом Миша продолжил: “Иван Максимович, в жизни каждого может случиться беда. Нужно крепиться и проявлять силу духа”.

“Говоришь, у каждого может беда случиться? Но такой беды, как у меня, ни у кого нет. Я калека, понимаешь, калека, брошенный всеми: женой, детьми”, — воскликнул я с горечью впервые после того, как был оставлен ими.

“Да-а! Может, мне и не понять до конца твоей беды. Утешить тебя я тоже не смогу, но все-таки для чего-то ты оставлен жить тем Всемогушим Властелином неба и земли, у Которого сочтены все дни нашей жизни. Не для того ли ты оставлен, чтобы то, что было нехорошим в твоей прошлой жизни, оставить, раскаяться и найти путь прощения, мира и покоя для души? Не для того ли, чтобы найти путь к вечной жизни, где все будет восстановлено и ты будешь жить вечно?”

“Восстановлен? Что, вырастут рука и ноги? Не смейся меня, Мишенька”, — сказал я с иронией. “Да. Будет рука, будут ноги. И ты будешь молодым и здоровым”.

Он нагнулся, достал из портфеля Библию и начал чи-

тать: “Возвеселится пустыня и сухая земля, и возрадуется страна необитаемая, расцветет, как нарцисс. Великолепно будет цвести и радоваться, будет торжествовать и ликовать; слава Ливана дастся ей, великолепие Кармила и Сарона; они увидят славу Господа, величие Бога нашего. Укрепите ослабевшие руки и утвердите колена дрожащие; скажите робким душою: будьте тверды, не бойтесь; вот Бог ваш, придет отмщение, воздаяние Божие; Он придет и спасет вас. Тогда откроются глаза слепых, и уши глухих отверзнутся. Тогда хромой вскочит, как олень, и язык немого будет петь; ибо пробьются воды в пустыне, и в степи — потоки. И превратится призрак вод в озеро, и жаждущая земля — в источники вод; в жилище шакалов, где они покоятся, будет местом для тростника и камыша. И будет там большая дорога, и путь по ней назовется путем святым: нечистый не будет ходить по нему; но он будет для них *одних*; идущие этим путем, даже и неопытные, не заблудятся. Льва не будет там, и хищный зверь не взойдет на него; его не найдется там, а будут ходить искупленные. И возвратятся избавленные Господом, придут на Сион с радостным восклицанием; и радость вечная будет над головою их; они найдут радость и веселие, а печаль и воздыхание удалятся” (Исаия, 35-я глава).

Галя, я специально дословно списал тебе из Библии этот текст, чтобы ты вместе со мной поделила мою радость — для меня нашелся выход. Может быть, тебе станет сейчас смешно, но я искренне поверил этим словам, и они принесли мне огромное утешение. На сердце стало легко и радостно. Это, Галя, оттого, что я приобрел надежду на будущее. Теперь оно не кажется мне таким темным и безрадостным.

Я немного отвлекся и не описал до конца свою беседу с Мишей. Продолжаю. После размышления над прочитан-

ным я, обратившись к Мише, предложил: “Мишенька, оставайся жить у нас. Я буду твоим старшим братом!” “Останусь, брат. Вместе будем делить и горе, и радость. Дай твою руку в знак того, что мы — братья”.

Мы обменялись рукопожатиями.

На другой день приехала мама. Она как-то приятно преобразилась, увидев Мишу. Они обнялись, как мать с сыном. Узнав, что он остался один, она начала уговаривать его остаться жить с нами. Он тут же ей поведал, что мы об этом уже договорились. Она была очень рада. Я попытался угадать, что же ее обрадовало? Может быть, то, что теперь со мной ей будет легче? А может, привязанность к Мише, как к сыну? Но это не важно. Я был рад, что Миша остался у нас. Миша вышел в коридор и занес свой чемодан. Мама суетилась на кухне, готовя ужин, а я перечитывал 35-ю главу Книги пророка Исаии. Запомни, Галя, впервые читал Библию. Я читал и видел себя в Царстве Иисуса Христа опять здоровым, но в то же время совсем другим, кем я был на земле: бессмертным и святым. Ты, наверное, смеешься, Галя? Я не обижаюсь. Тебе, возможно, не понять моих чувств.

Перед ужином Миша с сыновней нежностью подарил маме кофту. “Вот вам кофточка, — сказал он. — Она теплая, шерстяная, носите ее. Пусть ваши больные суставы будут в тепле. Износите, куплю другую”.

Мама надела ее и, благодарно поцеловав Мишу, сказала: “Мишенька, ты все помнишь, даже о том, что у меня ноют кости. А кофточка — просто прелесть. Давно мечтала о такой. Спасибо тебе, сынок”.

Галя, мне стало стыдно. Я маме никогда ничего не дарил в своей жизни. Я не знал, что у мамы постоянно болят кости. Я получил от Миши хороший урок, но в моей душе не

было к нему неприязни. Во мне произошло осознание своей низости и горькое раскаяние. Я позвал маму к себе. Она подошла, и я ей сказал: "Мамочка, прости меня, негодного сына. Прости, еще раз прости!" "Да что ты, сынок, я ведь никогда не обижалась на тебя. Я тебя давно простила". "Прости мама, что у тебя, по существу, не было сына и что я не был тем человеком, которого ты хотела видеть во мне".

Все прослезились, потом Миша, улыбнувшись, сказал: "Давайте ужинать".

Галя, если бы ты увидела Мишу, то ты к этому человеку почувствовала бы то же самое, что и я. Он очень искренний человек.

Миша устроился на работу фельдшером. Теперь у нас свой домашний врач. Я каждый день встречаю его с работы и рад, что у меня есть брат. Я содрогаюсь от мысли, что наступит час, когда Миша, женившись, уйдет от нас. Я об этом сказал ему. Он, смеясь, ответил: "Женюсь только тогда, когда найду такую добрую девушку, которая согласится жить вместе с нами!"

В следующих письмах я напишу тебе об Иисусе. Ведь тебе хотелось знать о Нем, а я тогда, в больнице, не рассказал тебе.

Галя, напиши, как ты живешь? Как здоровье твоей мамы? Интересно ли было тебе читать мое письмо?

До свидания. Желаю тебе всего наилучшего в жизни. За твою доброту останусь тебе благодарен навсегда. Жду твоего ответа. С уважением, Иван Максимович».

«Дорогой Иван Максимович! Сообщаю вам, что у меня большое горе — похоронила маму. Я осталась теперь совсем одна. Я очень рада, что вы меня не забыли. Я рада и тому, что у вас появился добрый младший брат, примите и меня в свою небольшую семью. Мне очень одиноко. Я с интересом прочитала то, что вы написали об Иисусе. Я дав-

но Его ищу, но никто подробно не может рассказать мне о Нем. Недавно я была в церкви, но и там не нашла удовлетворения для своей души. Как здоровье Анны Михайловны? Передавайте привет вашей замечательной маме и Мише. С уважением к вам, ваша дочь Галя».

«Дорогая дочка Галя! Посылаю тебе фотографию. На ней вся наша маленькая семья, только тебя нет с нами. Мы вечером разговаривали о том, чтобы ты летом во время отпуска приехала к нам в гости. Если надумаешь, мы с радостью встретим.

Галя, я нашел Иисуса и принял Его своим личным Спасителем и Другом. Мне бы очень хотелось, чтобы Он стал и твоим Другом. Я очень счастлив.

Мы живем, Галя, в то время, когда рушатся привычные устои, попирается нравственность. Я сам потерял всякое доверие к людям, ты ведь об этом знаешь. У меня нет больше близких друзей. Все оставили меня. Я был в крайнем разочаровании. И именно в этот критический момент своей жизни я нашел в этом мире людей, которые своей братской дружбой обязаны Иисусу Христу. Они-то и помогли найти мне лучшего Друга в своей жизни — Иисуса Христа. Он отдал за людей Свою жизнь и открыл для нас врата рая. Он дружит с нами не из-за выгоды, а из любви.

“Издали явился мне Господь и сказал: любовью вечною Я возлюбил тебя и потому простер к тебе благоволение” (Иер. 31:3).

Когда человек согрешил, Христос как друг подошел к Адаму и Еве, чтобы указать им путь к вечной жизни. Он — лучший Друг, ибо Свою дружбу Он скрепил Своей собственной Кровью.

“Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих” (Ин. 15:13).

Иисус Христос хочет стать другом всех людей, без лицемерия. Мир любит того, кто наиболее полезен, если же от этого мало выгоды, то и дружба отступает часто на задний план. Но я нашел такого Друга, Который никогда меня не оставит — Он верен. Как приятно иметь такого Друга! Иисус — воплощение высшей любви, полного доверия и мира. Благодаря Своему великодушию и Божественному прощению Он пробудил во мне стремление к добру, святому. Я, находясь в общении с Ним, был покорен Его силой добра. Теперь я заключил с Ним завет. Был принят в Его Церковь.

Иисус желает быть и твоим Другом, дорогая Галя. Он желает быть везде и при всех обстоятельствах с нами. И мы нуждаемся в Его дружбе и постоянной любви, в Его общении с нами, в Его нежности и покое.

Близкие друзья всегда исполняют желания друг друга. Приняв Иисуса как друга, мы должны исполнить и Его заповеди. “Вы — друзья Мои, если исполняете то, что Я заповедую вам” (Ин. 15:14).

Галя! Его путь — нетрудный путь. Когда мы начинаем идти к Нему, нам не приходится отказываться от чего-либо ценного в жизни. Нам нужно лишь отказаться от того, что называется грехом и пороком, что приводит к гибели и вызывает стыд. Искренняя дружба с Ним помогает нам стать подобными Ему. Постоянно пребывая в молитвенном общении с Ним, самым Святым, мы тоже становимся святыми. Пользуясь Его любовью, мы тоже учимся любить. Благодаря постоянному общению с Ним мы достигаем вечной жизни.

Галя, нам так хочется, чтобы ты познала Иисуса. Я посылаю тебе адрес собраний нашей церкви у вас. Пойди. Я верю, что ты там найдешь Иисуса и подружишься с Ним.

Привет от мамы и Миши. С уважением к тебе, Иван Максимович».

«Дорогой Иван Максимович! Хочу поделиться с вами радостью: я была на богослужении в церкви по вашему совету, и могу сказать, что это то, что я искала. Благодарю вас всех за то, что вы меня помните. Пишите мне, я очень рада вашим письмам. Пишите мне об Иисусе, Которого я хочу полюбить так же, как и вы все Его любите. Я хочу, чтобы он был и моим Другом. Привет всем. С уважением, ваша дочь Галя».

«Дорогая дочка Галя! Мы так рады, что ты побывала на собрании и что тебе там понравилось. Мы верим, что ты станешь нашей сестрой в Господе. Сегодня читал интересные выдержки об Иисусе из Библии и решил написать об этом тебе. Вот они:

“Кто обращал взор к Нему, те просвещались, и лица их не постыдятся” (Пс. 33:6).

Наш мир сотворен Христом. Через Своего Сына Отец создал небесные существа.

“Ибо Им создано все, что на небесах и что на земле, видимое и невидимое: престолы ли, господства ли, начальства ли, власти ли — все Им и для Него создано” (Кол. 1:16).

Ангелы — служебные духи Божьи, окруженные сияющим светом, нисходят от лица Божьего, окруженные славой, молниеносно исполняют волю Его, а Сын, помазанник Божий, “будучи сиянием славы и ипостаси Его, Который держит все словом силы Своей” — их Повелитель. Престол славы, возвышенный от начала, был местом освещения Его» (“Патриархи и пророки”).

Иисус, Спаситель мира, пришел спасти человечество. “Иисус пришел, облеченный простотой, смирением, чтобы нам быть примером и стать нашим Спасителем. А если бы

пришел облеченный в царское одеяние, мог бы он научить нас тогда кротости и простоте? Мог бы Он тогда сказать такие важные истины, какие сказал нам на горе? Какова была бы тогда надежда бедных, простых людей, если бы Он пришел и жил среди людей как Царь?” (“Желание веков”).

Иисус — добрый Друг человечества.

“В каждой душе Иисус видел человека, к которому должно быть обращено приглашение принять участие на браке Агнца. Он жил среди людей, как добрый Друг, овладевая таким путем их сердцами. Он искал их на распутьях, в домах, на лодках и синагогах, на берегу озера и среди свадебных гостей. Не только с кафедры можно трудиться над завоеванием сердец” (“Желание веков”).

Только Иисус может очистить сердце.

“Ни один человек не в состоянии избавиться сам от злых нравов, владеющих его сердцем. Только один Иисус может очистить сердце. Но Он не желает войти туда насильно, как некогда в древности вошел в храм. Он говорит: ‘Се стою у двери и стучу’” (“Желание веков”).

Христос — светлая надежда народов.

Свидетельство истории:

“Во время царствования Ирода Антипы жил Иисус, мудрый человек, если только Его можно назвать человеком. Он творил чудеса, был Учителем людей, жаждущих правды. За Ним следовали иудеи, греки. Он был Христом. Когда Пилат по требованию знатнейших приговорил Его к распятию, то те, которые Его любили, не оставляли Его. После смерти Он явился живым на третий день. Этим исполнилось предсказание святых пророков о Его великих делах. Секта христиан, названная Его именем, не исчезла и до сего дня” (Иосиф Флавий, европейский историк I века. Книга “Иудейские древности”, гл. 18).

Свидетельство Эрнста Ренана из книги “Жизнь Иисуса Христа”:

“В правление Августа Тиверия произошло великое событие: появилась Личность, Которая Своею силою, инициативой и любовью создала новую, великолепную религию”.

“Покойся в Твоем величии, Благородный Основатель. Твое дело закончено. Твоя Божественность стоит непоколебимо. Не бойся, что какая-нибудь ошибка погубит Твое дело, на которое ты положил много трудов. Пройдут тысячелетия, но Вселенная всегда будет стоять за Тебя. Ты — знамя наших споров, около которых кипит жаркая битва, в тысячу раз живее и любимее после смерти, чем при жизни на земле. Ты сделался драгоценным Камнем мира, и надо прежде разрушить весь мир, чем вырвать Тебя из него. Между Тобой и Богом не будут делать никакой разницы. Ты — совершенный победитель смерти. Что бы нам ни принесло будущее, выше Иисуса не будет никого. Его почитание всегда останется юным. Его история нисшествия на землю до Голгофских страданий и тяжелой смерти за других будет бесконечно вызывать слезы”.

“Ты — знамя наших споров, знамя, вокруг которого завязывается отчаянная борьба!” — так воскликнул о Христе враг христианства французский ученый Эрнест Ренан. И, как бы предчувствуя безуспешность своего труда, добавил: “А чтобы искоренить Твое имя в мире, нужно разрушить мир до основания”.

Действительно, Иисус является знаменем споров и отчаянной борьбы. В течение всех прошедших лет до сего дня назарейский проповедник более чем кто-либо другой имеет множество самых отъявленных противников, но и немалое число преданных защитников, которые были готовы не только верить в Него, но и умереть за Его имя.

Дорогая Галя! Если тебе понравились эти выдержки, то я еще пришлю в следующем письме. От всех нас привет. С уважением, Иван Максимович».

«Дорогой Иван Максимович! Очень занята. Пишите! Буду очень рада. Привет всем домашним. С уважением, Галя».

«Дорогая Галя! Что-то я обеспокоен тем, что твое письмо было очень коротко и мы от тебя ничего не получаем почти уже месяц. Что случилось? Или ты уже больше не желаешь поддерживать с нами связь? Жду ответа, правдивого и искреннего. С уважением, Иван Максимович».

Через неделю пришла телеграмма. Иван Максимович сидел в своей коляске, когда Миша с работы шел по тропинке к нему и радостно махал телеграммой. Он издал громко сообщил:

— Все в порядке. — Подойдя, он вручил телеграмму Ивану Максимовичу. «Не беспокойтесь. Все в порядке. Сообщу обо всем. Галя», — было написано в телеграмме.

— Что же она должна сообщить?

— Наверное, пришет приглашение на свадьбу, — ответил Миша.

— Нет! Что-то здесь не так. Она никогда о свадьбе не писала.

— Будем терпеливо ждать.

С того дня прошло два месяца. В конце мая почтальон вручил Ивану Максимовичу письмо со словами: «Ваша дочь прислала».

«Дорогие мои родные во Христе! Сообщаю вам великую радость: десятого мая я приняла крещение. Теперь я полностью ваша сестра и член Церкви Иисуса Христа. Я очень хочу увидеть вас всех. Отпуск получаю с пятнадцатого. Ждите меня вскоре. Будьте хранимы Богом».

Иван Максимович от радости заплакал. Настал тот день,

о котором он так долго и много молил Отца Небесного, день, когда Галя приняла Иисуса как своего личного Спасителя.

Ему казалось, что его жизнь прошла не напрасно на этой земле. Он был очень рад, что приобрел еще одну душу для Господа. Ему хотелось кричать от радости, петь, прославлять Бога. Вечером в маленьком домике три человека благодарили Всевышнего Бога за милость, проявленную к Гале. Галя стала для них с этого момента еще ближе и роднее.

Галя стучится в дом бывшей семьи Иваха Максимовича

Прежде чем поехать к Ивану Максимовичу, Галя решила съездить к его бывшей семье. Она постучала в квартиру. Дверь ей открыл высокий седоватый мужчина средних лет. Увидев молодую девушку, он спросил:

— Кого вам нужно?

— Андрееву.

— Заходите.

Галя вошла в квартиру. Навстречу ей вышла статная, красивая женщина. В ней Галя узнала бывшую жену Ивана Максимовича.

— Здравствуйте, вы узнаете меня?

— Нет, я вас никогда не видела. Однако проходите.

Они вошли в богато обставленную комнату. Гале предложили сесть.

— Я та медсестра, которая ухаживала за Иваном Максимовичем. Но я к вам не по его поручению. Дело в том, что я скоро поеду к нему в гости и подумала, что, может быть, вы или его дети хотите написать ему что-нибудь, а я ему передам.

— О, нет. У нас с ним связь потеряна уже давно, и нам не хочется ее восстанавливать. Мы живем дружно и, как видите, хорошо. Я думала, что вы его жена.

— Я его жена? Да что вы? Я стала ему дочерью, так как ему не с кем было разделить свое горе. Ему нужно было утешение, поддержка, и я решила с ним переписываться. Я в курсе всех событий в его жизни. Это прекрасный человек, с широкой, доброй душой. Вы все остались в его сердце, и я думала, что он вам тоже не безразличен. Ему было бы приятно получить за столь долгое время весточку от вас и ваших детей. Но, видимо, я ошиблась. Простите за беспокойство.

— Как вас зовут? — спросил мужчина.

— Галя.

— Галина, мы сейчас соберем ему передачу, деньги. Вы завезите все этому калеке.

— Да что вы! Иван Максимович не нищий, нуждающийся в деньгах и передачах. Ему нужно внимание, участие его родных детей. Неужели вы этого не понимаете?

— Я его забыла, у меня теперь прекрасный муж, а у детей, — она показала кивком головы на молодую красивую дочь, — отец, который заменил родного. Я просила бы вас не омрачать и больше не нарушать мир в нашей дружной семье.

— Да я и не хотела нарушать мир в вашей семье. Я только хотела привезти Ивану Максимовичу теплые приветливые слова от вас. Мне хотелось согреть словами сердце страдавшего человека. А материальная помощь ему не нужна. Он обеспечен. За ним ухаживает мать, с ним живет молодой человек, ставший ему братом. Он спас его от самоубийства в день великого разочарования и указал ему выход. Иван Максимович стал верующим, как и мать.

— Да? Он теперь стал верующим? Какой ужас! Слышишь, Николай? Иван стал верующим! — воскликнула бывшая жена Ивана Максимовича.

— Самое отвратительное, что может быть! — протянула с брезгливой grimасой дочь и вышла из комнаты.

— А что же ему делать? Ведь это, видимо, единственное утешение, которое у него осталось в жизни, — рассудительно сказал мужчина.

— Галина, вы, наверное, нас осудите и особенно меня. Я вышла замуж, это мой муж. Мы жили до сего дня счастливо. Я думала, что Иван давно умер, и вдруг пришли вы. Нет, не пришли, а неожиданно вторглись в нашу семью с такими неприятными для нас вестями о прошлом. Я прошу: не напоминайте ему о нас и наш адрес ему не давайте. Так будет лучше. Вы простите меня, Галя, но иначе я поступить не могла. И сделала я так ради благополучия моих детей.

От этих слов на Галю повеяло холодом. Каждое слово было сказано безжалостно и расчетливо.

Галя встала и сказала на прощание:

— Простите, что я вторглась в вашу новую семью. Я думала, что вам, и особенно вашим детям, будет приятно слышать об Иване Максимовиче. Я думала, что его дочь и сын поедут со мной или же навестят своего отца, который по-прежнему любит их. Ведь и раньше он жил только для своей семьи, для своей жены и детей. Однако я горько ошиблась. Я никогда в жизни не встречала такой неблагодарности. Не хочу вас проклинать, но хочу предупредить, что как вы поступили с калекой, так будет и с вами, ибо как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними. Ваша квартира показалась мне холодной, сырой ямой. Я оставляю вас, и пусть тот живой и добрый Бог, которому молится Иван Максимович, помилует вас

всех и даст вам возможность осознать страшную ошибку, которую вы совершаете, грех в вашей жизни и жизни ваших детей. — Галя заплакала.

— Уходите, уходите отсюда, Галя! Не расстраивайте нас! Наша жизнь еще впереди. Жизнь великого труда и счастья.

— Боже, помоги им прозреть! До свиданья! — бросила на ходу Галя.

Она ушла, и дверь за ней захлопнулась. Она шла по улице, и ей казалось, что солнце светит не так ярко, как раньше, что тучи накрыли город и вот-вот сорвется гнев Божий, чтобы совершить правосудие над этим холодным жилищем. Галя почувствовала боль в сердце и присела на скамейку в скверике. Так она просидела целый час. По ее щекам катились слезы. Выплакавшись, она успокоилась, встала и пошла на вокзал, чтобы поехать к своим любимым друзьям. Неожиданно у нее созрело решение уехать к ним не в отпуск, а навсегда.

Малехький дожик

Вмаленьком домике идут приготовления. Ждут желанную гостью. Все празднично одеты. Наконец-то наступил долгожданный день. Галя вошла с Мишей в чистый уютный дворик.

Радости от встречи и долгим беседам, казалось, не будет конца.

Вечером они все вместе сидели, и Галя рассказывала о своем обращении. Она благодарила Ивана Максимовича за чудесные письма, за теплые слова, за истину о Христе.

— Истина о Христе тронула мое сердце, — сказала она. — Благодаря твоим письмам, папа, я познакомилась с Иисусом, полюбила Его, и Он стал моим лучшим Другом. Огромное впечатление на меня оказало обращение твое и то, что ты обрел мир и покой в своей душе. Самой дорогой для меня темой в твоих письмах была тема о Христе. Когда ты прислал мне адрес молитвенного дома, я пошла туда и услышала слова об Иисусе. Я полюбила Его и приняла своим личным Спасителем.

Я очень благодарна Богу за то, что Он нашел меня и привел в Свою Церковь. Я очень благодарна и тебе, папочка,

за твой труд над моим спасением. Теперь у меня есть папа, а у тебя есть дочь. Если можно, я останусь жить с вами. Я найду себе комнату, буду работать и ухаживать за вами. Нам всем вместе будет очень хорошо. Я так рада, что мы приобрели друг друга.

Галя стала искать себе квартиру и работу.

Однажды вечером, когда она пришла домой, к ней обратился Иван Максимович:

— Галя, не ищи квартиру.

— Но мне неудобно жить вместе с вами. Хотя я и сама вижу, что очень нужна вам, ведь Анна Михайловна стала старенькая и больная, но иначе я не могу. После работы я буду приходить к вам убирать, готовить и стирать, а ночевать буду в своей квартире. Думаю, что так будет лучше и удобней.

Миша робко обратился к Гале:

— Галя, я тебя полюбил, и если ты согласишься выйти за меня замуж, то вопрос твоего пребывания будет решен.

Через неделю Галя дала положительный ответ. Они поженились. Теперь вся их семья в сборе.

В маленьком уютном доме царили покой и мир. Об этом доме все соседи говорили: «Этот маленький домик полон богатства, мира и счастья». И спрашивали себя: а почему? И сами себе отвечали: они были чужими друг другу, но их объединила любовь Христа. Именно поэтому они счастливы. Счастлив и тот калека. Ведь Галя обращается с ним, как родная дочь. А ее дети называют его дедушкой. Иван Максимович счастлив, в их саду слышен детский смех, пение и ласковые слова.

Прошло время, и Анну Михайловну похоронили. Иван Максимович прожил с Мишей и Галей еще 10 лет, окру-

женный их заботой, вниманием и любовью. А умирая, он взял их руки в свою единственную и сказал: «Пусть благословит вас Господь теми благословениями, которыми Он всегда благословлял Свой избранный народ. Я прощаюсь, дети, с вами на малое время. До скорой встречи, мои близкие, любимые, родные! Там, у ног Иисуса, в Его вечном царстве, мы встретимся. Я умираю в надежде на первое воскресение из мертвых, — и с улыбкой добавил: — Не забудьте, Миша и Галя, что там прежнего Вани не будет. Там будет Ваня, облеченный в славу бессмертия, с ногами и руками. А ты, Галя, будешь в моей короне яркой звездочкой светиться вечно, как мой сноп, принесенный Иисусу Христу. В твоей же короне, Мишенька, буду светиться я, потому что твоя самоотверженная жизнь была сильным стимулом для моего обращения. Не плачьте, я ухожу примиренный с Иисусом и близкими. За эти пятнадцать лет я ни разу не почувствовал себя калекой. Мне казалось, что я здоров и силен. Ваше благословенное присутствие помогло мне держаться на высоком духовном уровне. Благодарю вас еще и еще раз, мои дети».

Миша поклонился и поцеловал Ивана Максимовича, потом поцеловала Галя и дети.

Иван Максимович некоторое время молчал, а потом спокойно прошептал: «Дорогой Иисус! Я иду к Тебе. И верю, что Ты успокоишь меня на малое время, и в день Твоего первого воскресения мертвых Ты воскресишь и изменишь меня. Я верю, что увижу Тебя лицом к лицу как моего дорогого Спасителя. Аминь!»

Он закрыл глаза, последний раз вздохнул и умер. В последний путь его провожали все соседи и близкие друзья во Христе. Миша и Галя последними ушли с кладбища.

В их маленьком домике еще долгие годы продолжали царствовать мир, покой и радость, на нем покоились благословения неба.

Эпилог

Что же случилось с бывшей семьей Ивана Максимовича? Вот что коротко рассказала Галя:

— Я еще раз посетила семью Ивана Максимовича. Его бывшая жена ослепла при проведении опытов в химической лаборатории, и ее сдали в дом инвалидов. У дочери родился сын-калека. Сын Ивана Максимовича погиб во время производственной аварии. Второй муж Ольги Михайловны умер.

Все это произошло после того, как Галя впервые побывала у них.

Удивительно, но исполнились слова в их жизни: «Что посеет человек, то и пожнет» (Гал. 6:7).

«От плода уст *своих* человек вкусит добро, душа же законопреступников — зло» (Притч. 13:2).

А Гале, Михаилу и их детям было ниспослано благословение неба. С надеждой и верой идут они в вышний город — новый Иерусалим. На стене в гостиной на самом видном месте висит портрет Ивана Максимовича. На меня смотрят глаза умного и доброго человека. Галина, как будто бы читая мои мысли, сказала: «Он был умным,

добрым, ласковым отцом и дедушкой. Память о нем мы пронесем в наших сердцах через всю жизнь и вечность».

Уходя из этого дома, я унесла с собой образ этих чудесных людей, верующих во Христа, и их неподдельный, искренний подвиг веры и ожидания скорого возвращения на землю их Спасителя — Иисуса Христа.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Содержание

Введение	1
Глава I. Общие сведения о предмете исследования	2
Глава II. Методология исследования	3
Глава III. Анализ существующих исследований	4
Глава IV. Экспериментальное исследование	5
Глава V. Результаты исследования	6
Глава VI. Заключение	7
Список литературы	8
Приложение	9

Содержание

Молитва матери	3
«Прости, мама»	11
Мать	29
Дома	35
Галя стучится в дом бывшей семьи Ивана Максимовича	48
Маленький домик	52
Эпилог	56

10-00

А. И. Зозулина, М. С. Зозулин
Молитва матери

Ответственный редактор **В. А. Кацал**

Технический редактор **И. Н. Гончаров**

Дизайнер обложки **А. А. Смирнова**

Корректор **Н. М. Лукьянова**

Подписано в печать 25.06.2001.

Формат 60×84/16. Бумага газетная. Гарнитура Ньютон. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 3,72. Уч.-изд. л. 1,6. Тираж 100 000 экз. (7-й завод 80 001-100 000).

Изд № 233. Заказ № 2186.

ЛР № 030289 от 30.07.1997 г.

Издательство «Источник жизни»

301000, Тульская обл., п. Заокский, ул. Восточная, 9

Тел. (08734) 2-21-30, 2-29-70

Факс (08734) 2-18-70

E-mail: solph@lifesource.ru

Типография издательства «Источник жизни»

День Божий откроет, сколь
многим мир обязан благочестивым
матерям, воспитавшим мужей,
ставших стойкими защитниками
истины и реформы, — людям,
которые были готовы взяться за
любое дело, которые стояли
непоколебимо среди испытаний и
искушений; людям, которые
предпочли высокие и святые интересы
истины и славу Божию мирским
почестям и жизни для себя.